Уже второй должно быть ты легла
В ночи Млечпуть серебряной Окою
Я не спешу и молниями телеграмм
Мне незачем тебя будить и беспокоить

как говорят инцидент исперчен
любовная лодка разбилась о быт
С тобой мы в расчете и не к чему перечень
взаимных болей бед и обид [4, т. 10, с. 287].

Тональность этих стихов (как и первого вступления — «Во весь голос») говорит сама за себя: *подводится итог всей жизни и любви.* К концу пути Маяковский многое по-новому увидел, осмыслил в окружающем мире, людях и самом себе.

Так мог ли Маяковский быть счастлив в личной жизни или особенности его внутреннего мира («экзистенция») предопределяли неизбежность трагического конца? Полагаю, что говорить о фатуме, роковой предопределенности было бы ошибочно. Сложись многие обстоятельства его жизни иначе, он мог быть счастлив.

Напомним в этой связи, что трагизм положения Маяковского определялся, конечно, не только любовными коллизиями. Усиливавшийся с каждым годом тоталитаризм давал о себе знать во всем. И в окостенении государственных структур, в укреплении власти чиновничье-бюрократической элиты, против чего Маяковский страстно восставал в своих сатирических стихах и «Бане», и во все большей изоляции от зарубежья (невольно вспоминаются стихи Маяковского, адресованные нашему юношеству: «глазами жадными цапайте//все то,/что у вашей земли хорошо//и что хорошо на Западе»), наконец, в общественно-литературной жизни. Невозможно отрицать тот факт, что коммунистический идеал Маяковского вступал в противоречие с названными тенденциями, и поэта охватывали сомнения, критицизм его нарастал. Тому есть множество свидетельств. Приведем лишь одно. Художник Ю. П. Анненков, хорошо относившийся к Маяковскому и встречавшийся с ним и в Париже, и в Ницце (1929 г.), вспоминал: «... между прочим, спросил меня, когда же я вернусь в Москву? Я ответил, что я об этом больше не думаю, так как хочу остаться художником. Маяковский хлопнул меня по плечу и, сразу помрачнев, произнес охрипшим голосом: — А я возвращаюсь... так как я уже перестал быть поэтом. Затем произошла поистине драматическая сцена: Маяковский разрыдался и прошептал, едва слышно: — Теперь я... чиновник...» [25, с. 207] [11].

Весь этот сложный комплекс проблем выходит за пределы нашей темы. Подчеркнем в заключение, что самоубийство Маяковского — следствие переплетений личной неустроенности и нараставшей с каждым годом духоты общественной жизни. Причем одно неотделимо от другого (хотя совсем не в смысле грубо творимого ныне мифа или остросюжетного детектива о мнимом убийстве поэта).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Программы педагогических институтов. Сборник I. Теория литературы. М., 1987.
2. *Винокур Г.* Биография и культура. М., 1927.
3. *Батов В. И.* Другому как понять тебя? М., 1991.
4. *Маяковский В. В.* Полн. собр. соч. В 13 томах. М., 1955—1961.
5. *Луначарский В. А.* Статьи о литературе. М., 1957.
6. *Карабчиевский Ю.* Воскресение Маяковского. М., 1990. (Первое издание этой книги вышло в Мюнхене в 1985 году).

[11] В 1992 г. появились у нас, наконец, публикации статей, воспоминаний, высказываний писателей и критиков первой эмигрантской волны (см. [26, 27]). Знаменательно, что хотя эмигранты первой волны в своей массе были враждебно настроены по отношению к советской власти вообще и к чекистам особенно, ни у одного из них не возникало и тени сомнения в том, что Маяковский покончил самоубийством, а не был уничтожен агентами ОГПУ.